

Статьи. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И РОССИЯ В СВЕТЕ ИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Автор: С. Ф. ОРЕШКОВА

Орешкова Светлана Филипповна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Межгосударственные отношения Московского княжества и Османской империи были установлены в 1492 году. Однако общей границы эти государства тогда не имели. Даже первое русско-турецкое военное столкновение не было связано с территориальным соприкосновением этих государств. В 1569 г. военные действия в районе Астрахани (ставшей российской в 1556 г.) были начаты турецкой стороной и притом не ради того, чтобы изменить расстановку сил в Восточной Европе или получить какую-то долю золотоордынского наследства, а лишь для обеспечения удобного пути крымским и северобалканским войскам к театру военных действий, ведущихся против Ирана. Это намерение, как известно, реализовать не удалось. Потери османских войск были огромными, впрочем не столько из-за успешных военных действий российских войск, а от жары и безводья на этой, далекой от османских пределов территории, погубивших в северной степи османских воинов и особенно сопровождавших их землекопов, которые должны были прорыть канал между Доном и Волгой¹.

После этого более 100 лет Османская империя не проявляла какого-либо интереса к этому региону. Османский вассал, Крымское ханство, ведавшее от имени османских властей проблемами северного пограничья, известно своими набегами на земли Речи Посполитой и России. Набеги эти были очень болезненны для местного населения, турки порой довольно глубоко проникали на территорию этих государств. В 1571 г., например, крымцы сожгли Москву². Но все-таки это были лишь набеги, походы за добычей и пленными. Каких-либо серьезных претензий на территорию русского государства во второй половине XVI и первой половине XVII вв. ни татары и их османский сюзерен не предъявляли. Утвердившись в Крыму, османы на иное ордынское наследство не претендовали, и северо-восточное направление не вошло тогда в круг их внешнеполитических интересов.

Политические интересы России в первые послеордынские века (XV, XVI, первая половина XVII) были сосредоточены на западном и восточном направлениях. Южное пограничье интересовало русское правительство лишь в связи с необходимостью обеспечить оборону своих владений от крымских набегов. Расширение сферы влияния России и ее территориальное продвижение на юг происходили, но не столько в результате целенаправленной

стр. 34

политики государства, сколько благодаря естественно складывавшимся благоприятным условиям для развития в этом направлении земледельческого

хозяйства. Сфера же господства кочевников сокращалась. Не случайно, сокрушив Большую Орду (1502 г.), Крымское ханство вынуждено было отвести сдавшиеся ему улусы этой орды к Перекопу³, создав между Рязанской землей, вдававшейся лесостепным клином в степи Восточной Европы, и крымскими владениями практически ничейное пространство - Дикое поле, как его называли российские источники. Эту-то территорию и начинают осваивать земледельцы, двигавшиеся как из России, так и с польско-литовской Украины. Вначале это был стихийный процесс, не управляемый и почти не направляемый государством.

Пионером вольной колонизации Дикого поля было казачество, связанное как с Россией, так и с польско-литовской Украиной. На первых порах военно-хозяйственное освоение новых земель успешнее осуществлял тот миграционный поток, который шел с Украины. В 1569 г. приднепровские и волынские владения Литвы были переданы в управление польского короля, а после Люблинской унии и победы над Россией в 1582 г. продвижение польских рубежей на юг и восток стало государственной политикой Речи Посполитой. Украинские поселенцы, служилые казаки и крестьяне, с охотой устремлялись в район запустевшего в эпоху татарского владычества днепровского Левобережья. Именно в эти годы и происходит закрепление запорожского казачества в районе днепровских порогов (то есть у самых границ Крымского ханства)⁴.

Первоначально российская линия обороны от крымских набегов проходила по р. Оке. В Калуге, Серпухове, Тарусе (или Алексине), Коломне и Кашире располагались полки дворянской кавалерии. В 50-е годы XVI в. русские власти стали выдвигать свои полевые отряды южнее - под Тулу и далее на рубежи рек Быстрая и Тихая Сосна. Организуются походы русских войск в Дикое поле, преследующих цель предотвратить крымские удары по российским пограничным окраинам - украинцам, как тогда они назывались. На стыке Поля и украин строятся крепости - новые сооружения или восстановленные старые городища, уничтоженные в период ордынского владычества. К 80-м годам XVI в. создалась вторая линия обороны российских земель - это 12 городов (Тула, Дедилов, Пронск, Михайлов, Рязань, Шацк, Орел, Новосиль, Мценск, Ряжск, Волхов, Белев) и три пограничных полка так называемого украинского разряда. Далее в степи, в Диком поле, возникают новые приграничные города. В конце XVI в. к ним относились Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки. Эта оборона закрывала, однако, лишь прямой путь к Москве, но оставляла открытыми фланги, чем неоднократно пользовались крымские татары⁵.

В 90-е годы XVI в. для обороны активно используются засеки, сооружаемые из земли и древесных завалов, которые должны были стать препятствием, мешающим продвижению татарской конницы. И, наконец, в 1635 г. начинается возведение грандиозного по тем временам инженерного сооружения, так называемой Белгородской черты - линии крепостей с земляными валами между ними, протяженностью около 800 км. В нее были включены города Белгород, Короча, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Умань, Козельск. Она перекрывала основные пути татарских набегов. Технически сооружение "Белгородской черты" было окончено в 1653 году. Помимо военного она имела еще и то значение, что помогала энергичнее осваивать земли за "чертой". Крестьяне там вначале переводились на положение служилых людей. Пределы России отодвинулись на юг на 100 км⁶. До этого времени мы можем говорить о естественном геополитическом росте российского государства. Однако, в этом районе он был нарушен, ускорен и

переведен в военно-экспансионистскую сферу с вхождением Украины в состав России.

На Украине столкнулись интересы Речи Посполитой, России и Османской империи. Гетманы украинского казачества, борясь с этими внешними силами, зачастую меняли свою внешнеполитическую ориентацию, переходя

стр. 35

под покровительство то одной, то другой державы. Начиная с 1648 г. некоторые представители украинской казацкой верхушки пытались в борьбе с Речью Посполитой, а позднее и с Россией, опереться на поддержку Крымского ханства⁷, а Петр Дорошенко "со всей Украиной", как это восприняли в султанском окружении, сумел добиться покровительства самого султана⁸. У османского правительства впервые проявилась явная заинтересованность включить эти зачерноморские земли в состав своего государства, как и надежда, что при наличии украинского союзника это не потребует больших материальных и людских затрат. Война с Польшей, начавшаяся в 1672 г. подкрепила эти надежды. Завоеванная тогда Подолия стала областью османского (а не крымского) подчинения, что свидетельствует о расчетах Стамбула использовать подолийские земли для поддержания рушившейся тогда тимарной системы и попытках установить более надежный контроль за своими приграничными вассальными владениями - Дунайскими княжествами и Крымским ханством⁹.

Экономические расчеты османских властей на Подолию и другие украинские земли, представлявшие тогда, как называли их исследователи позапрошлого века, "руину"¹⁰, не оправдались. Необходимо было восстанавливать разрушенную и обезлюдившую страну, что не входило в планы ослабленной недавними войнами и внутренними усобицами Османской империи. Тимарные раздачи не принесли ни новой организации хозяйства в Подолии, ни облегчения азиатским районам, переживавшим большие социальные трудности из-за присутствия там значительной массы деклассированных воинов, все еще надеявшихся на новые завоевания и получение за это султанских земельных дарений - тимаров¹¹. Для этого, однако, не годилась разоренная Украина. Не случайно внешнеполитические замыслы османских властей переключились на Центральную Европу, и в 1683 г. Кара-Мустафа предпринял свой печально знаменитый поход на Вену.

Война с Россией (1677 - 1678 гг.) хотя и продолжила украинскую направленность османской экспансии, но уже не воспринималась в османском обществе так оптимистично, как польская кампания 1672 года. Против войны высказывался шейх уль-ислам Чатаджи Али эфенди¹². О непопулярности этой войны говорил русскому гонцу Поросукову в 1678 г. переводчик дивана Александр Шкарлат-Маврокордато¹³. Объяснил же это П. Б. Возницын, ездивший в Стамбул в 1681 г. для подписания русско-османского мира: турецкие войска, "хотя Чигирин взяли, однако его бросили и не держали, потому что им за отдаленностью... держать было нельзя", "они не так войной, как отдаленностью и всякой нуждой пропали и едва возвратились"¹⁴. Как и Астрахань в 1569 г. османы продолжали воспринимать украинские земли и вообще северное Причерноморье как край света, как некую отдаленную окраину. Еще Эвлия

Челеби, описывая борьбу за Азов в 1640 - 1642 гг., говорил о бытовавших в янычарской среде настроениях: "Да и в какую сторону нам двигаться? С одной стороны - море, на севере - Кефиристан, на востоке и юге - степь Хейхат!". Особенно панически янычарами воспринималась в этом районе зима, "безжалостная, как сабля", когда Азовское море промерзнет и холод закует дороги¹⁵.

Война с Россией, как известно, завершилась Бахчисарайским перемирием, по которому впервые официально была зафиксирована общая граница между Россией и Османской империей. Она шла по Днепру, но с добавлением "в сторону царского величества" Киева и его ближайших окрестностей. Земли между Бугом и Днестром обе стороны обязывались оставить безлюдными и пустынными - никаких там поселений не заводить¹⁶. Договор был подписан тремя сторонами - Россией, Османской империей и Крымским ханством. Последнее обстоятельство свидетельствовало, что османское правительство снова передавало свои северные границы в ведение крымских ханов, разочаровавшись в каких-либо выгодах для себя от этого региона. Его более привлекали австро-венгерские земли, богатые и обихоженные, "гяурский рай", как называл их один из османских авторов того времени¹⁷. Соблаз-

стр. 36

ны северо-восточного направления, появившиеся в связи с османским подданством Дорошенко, перестали действовать. Изменилась, правда, и внутриимперская расстановка сил в этом регионе. Сохранился более строгий присмотр за местными вассалами. Каменец Подольский, Силистра, Кафа и Азов, находясь в центральном подчинении, имели гарнизоны войск и должны были контролировать их действия. Крымское ханство начинает терять свои властные позиции среди ногайских племен Буджака и Аккермана, стремящихся к непосредственному подчинению османским властям. Более того, Правобережная Украина, фактически уступленная тогда Османской империи и Польшей, и Россией, была отдана в управление не крымскому хану, а молдавскому господарю¹⁸.

В России в 1670 - 1680-х годах, несмотря на войну, были надежды, что дальнейшие отношения с Османской империей могут складываться мирно, что "можно с салтаном турским мир крепкий и надежный чинить". А. Л. Ордин-Нащекин, руководитель русской внешней политики при царе Алексее Михайловиче, главным для России считал упорядочение отношений с Польшей. В этом случае и "турок будет здержан и крепко верен". Более того, Ордин-Нащекин был убежден, что Польша, заключив в 1672 г. с Османской империей мирный договор, по которому уступала ей Подолию, взамен этому "уступлению" надеялась с турецкой помощью вернуть себе от России Киев и левобережные украинские земли. Он считал, что конфликтность тогдашней русско-османской ситуации и разразившаяся в 1677 - 1678 гг. война порождались не непосредственными османскими претензиями к России, а польскими интригами. Потому-то, даже в 1678 - 1679 гг., уже будучи в отставке, Ордин-Нащекин предупреждал молодого царя Федора Алексеевича о необходимости "ныне по турецкой склонности к миру" "прилежно с салтаном турским царству Московскому искать крепкого мира". Но при этом также "королевство Польское от совету общего не отлагать", чтоб "от королевства царству Московскому против

крепостей мирных к нарушению причин ни в чем не было"¹⁹. Следовательно, тогда были надежды, что в Восточной Европе может произойти общее трехстороннее мирное размежевание государственных интересов, чего, однако, не произошло. России с Польшей удалось договориться значительно позже и лишь на условиях совместной борьбы с османами.

После того, как у России появилась общая граница с Османской империей, усилился нажим со стороны европейской дипломатии, пытавшейся вовлечь Россию в различные европейские коалиции, в том числе и антиосманские. Более активно стали раздаваться и призывы отдельных лидеров подвластных Османской империи народов об оказании помощи в антиосманской борьбе. В связи со всем этим чаще стали возникать соблазны и для российских правителей принять эти предложения и попытаться расширить пределы своего государства и его влияние. В отношениях с Османской империей цивилизационное размежевание (земледельческой культуры и кочевничества) начинает перерастать в политическое противостояние двух имперских структур.

Поражение Османской империи под Веной (1683 г.) привело к созданию в 1684 г. антитурецкой "Священной лиги", главную роль в которой играли Австрия, Польша и Венеция. Участники этого союза предлагали присоединиться к нему всем христианским государствам, особенное приглашение было сделано царям московским²⁰. Заинтересованность в участии России в антитурецкой коалиции заставила польского короля Яна Собеского пойти на ряд уступок, в частности на признание Киева и Смоленска принадлежащими России, что и было зафиксировано в "Вечном мире" с Польшей в 1686 г.²¹. После этих уступок, в том же 1686 г., Россия, разорвав перемирие 1681 г., присоединилась к "Священной лиге".

Совместные с европейской антитурецкой коалицией действия были для России внове, хотя призывы к борьбе с османской агрессией звучали еще со времен Ивана III. Исходили они как от греко-балканской эмиграции (окружение Софии Палеолог, Елены Волошанки, Максима Грека и т.п.), так и

стр. 37

ряда балканских правителей (Стефана Молдавского и др.), но в российских правящих кругах они не воспринимались. Даже после взятия Азова донскими казаками в 1639 г. и обращения казаков к России с просьбой принять эту крепость под свою власть, им, как известно, был дан приказ оставить Азов, не дожидаясь очередного штурма его османскими войсками. Тогда к каким-либо приобретениям в Причерноморье не стремились ни русское правительство, ни русское общество²². После же вхождения Украины призывы европейских противников Османской империи в Москве были услышаны.

В рамках своих союзнических обязательств Россия совершила походы в Крым (1687, 1689 гг.) и на Азов (1695, 1696 гг.). Взятие Азова (1696 г.) сулило России возможность выхода в Азово-Черноморский бассейн. Петр I, ставший к этому времени (после смерти брата Ивана в январе 1696 г.) единовластным правителем России, увлекся идеей выхода его страны к теплому морю и возможностью создания

российского морского флота²³.

Еще в 1683 - 1686 гг. посылавшиеся с разными поручениями в Стамбул российские дипломатические агенты имели своей задачей соби́рание сведений об Османской империи и ее внешнеполитических намерениях, но им не давались какие-либо поручения, касающиеся Черного моря. Османские власти отправляли их домой, в Россию, не традиционным для XVII в. путем через Молдавию, а кораблями - на Азов или Очаков. Это было безопаснее в условиях военных действий, ведшихся со странами "Священной лиги". Гонимые выражали недовольство вынужденными морскими путешествиями, и явно не имели от своего правительства каких-то разведывательных задач в этом районе. Османское правительство так же не боялось отправлять их этим путем. Черное море, следовательно, тогда еще не являлось спорным в русско-османских отношениях²⁴.

После взятия Петром I Азова настроение в России изменилось. Царь хотел продолжения войны и завоевания Керчи. Он создавал российский флот, намеревался воевать за выход к Черному морю. Однако союзники по "Священной лиге" к этому времени уже больше не желали воевать. Ни "Великое посольство" Петра I, ни международный конгресс в Карловицах (1698 - 1699 гг.) не могли этого изменить. Не решаясь воевать с Османской империей в одиночку, Петр осознал недостижимость своих черноморских планов. В 1700 г. был подписан осmano-российский Константинопольский мир²⁵. За Россией остался Азов, но Петр I к этому времени решительно изменил приоритеты своей политики. Его интересы сосредоточились вокруг завоевания Балтийского побережья. Османская империя и Черное море отошли в политике России на второй план.

Объявление османской стороной войны России в 1710 г. было явно спровоцировано европейской дипломатией. Прутская неудача Петра и, несмотря на нее, относительная уступчивость Порты - возвращение Азова и ликвидация русского азовского флота, вернули район к былому равновесию. Ничего иного Османской империи здесь и не надо было. Два года последовавших за этим переговоров - 1711 - 1713 гг., требования турецкой стороны к России не вмешиваться в польские дела и уступить Украину, были, по сути дела, лишь дипломатической игрой. Османское правительство понимало, что требовало оно те земли, которые по Карловицкому договору были уступлены ею ранее Польше, и в них нет собственно османской заинтересованности.

Петр I в первые месяцы этой его второй войны с Османской империей поддался иллюзии, что можно легко достигнуть быстрых успехов. Этим объясняются воззвания и призывы к нетурецким подданным Османской империи, изданные тогда от его имени. Однако окружение на Пруте заставило его быстро отказаться от всех этих утопических планов и надежд. Он полностью вычеркнул юго-западное направление из своих внешнеполитических интересов. Даже, когда в 1711 - 1713 гг. Османская империя не раз грозила России новой войной, а послы-заложники П. Шафиров и М. Шереметев в панике доносили ему из Стамбула о реальности этих угроз, он не прекращал военных операций на Балтике, а в кругу близких людей поговаривал даже,

---

что он не упустит балтийских выгод ради защиты Украины. Раз украинцы с Мазепой ему изменили, то пусть еще раз узнают, что такое татаро-османское разграбление. За такими несколько циничными рассуждениями был, однако, трезвый расчет. Петр не хотел войны на юге, но и не боялся ее, понимая нереальность османских угроз; он не желал отвлекаться и от борьбы за Балтику, которая именно в это время начинает приносить реальные плоды.

В 1713 г. Россия фактически отказалась от Запорожья. Однако оно не стало и османским, так как в договоре было зафиксировано: А "сторона, которая от Самары (реки, впадающей в Днепр. - С. О.) имеет быть во владении блистательной Порты, и в тех местах со стороны блистательной Порты не должно строить никаких фортец, замков и планков"²⁶. Следовательно, район оставался в запустении, не укреплялся и хозяйственно не осваивался. Ни Россия, ни Османская империя пока не определили здесь своих собственных интересов.

Можно констатировать, что со второго десятилетия XVIII в. европейская дипломатия начинает всеми мерами нагнетать напряженность в русско-османских отношениях, распространяет слухи о российской угрозе Османской империи и всячески пытается поддержать в османском обществе антирусские настроения. Однако при Петре I, даже после окончания Северной войны, Россия так и не вернулась ни к проблемам Черного моря, ни к каким-то территориальным претензиям к Османской империи. В 1720 г. между Россией и Османской империей был провозглашен "Вечный мир", а в 1724 г., после персидского похода Петра I, подписан договор о российско-турецком разграничении в Закавказье и на Прикаспийском побережье²⁷.

Территориальные претензии к Османской империи и, даже более того, заявление о необходимости вообще уничтожить эту державу (в духе аналогичных европейских призывов по этому поводу) из уст официальных лиц впервые прозвучали в России в период правления Анны Иоанновны. Их высказал в докладе Бирону фельдмаршал Миних²⁸, немецкий генерал на русской службе. Претворить в жизнь такие планы он предполагал за четыре года войны, начатой в 1736 году. Война действительно продолжалась четыре года и в военном отношении была довольно успешной, но антиосманские планы Миниха явно не соответствовали тогдашним российским внешнеполитическим возможностям. В результате войны 1736 - 1739 гг. в российские пределы был включен лишь Азов, а весь обширный осmano-российский пограничный район объявлен нейтральным и демилитаризованным - "барьерой", как тогда говорили²⁹.

Белградский мир 1739 г. оказался переломным как в истории Османской империи, так и в русско-османских отношениях. Для России он был дипломатическим поражением³⁰, но и османам пришлось за него дорого заплатить европейским державам. Посол Франции маркиз Л. С. Вильнев был посредником при заключении этого мира. Порта высоко оценила его роль "спасителя" Османской империи от русской угрозы, предоставив Франции за дипломатическую поддержку новую "капитуляцию", принципиально отличную от всех предыдущих³¹.

Соглашение о льготных условиях торговли, получивших название "капитуляций", заключались Османской империей с западными странами регулярно - с XV века. Они

рассматривались османской стороной как добровольная милость того или иного султана и действовали лишь в период его правления. У каждого последующего правителя европейские послы должны были снова добиваться согласия на подписание новой "капитуляции"³². Теперь же льготы для французской торговли были даны на вечные времена. Следовательно, "капитуляции" превратились в обязательства Османской империи вначале в отношении Франции, а позднее и других европейских держав. Это уже были некие неравноправные договоры, закреплявшие низкие ввозные пошлины и льготы европейским купцам. Так, в преддверии европейской промышленной революции начинает закладываться фундамент "Восточного вопроса", то есть той ситуации, когда вначале торговля, затем терри-

стр. 39

ториальные вопросы и судьбы нетурецких народов империи начинают рассматриваться не как внутренние османские проблемы, а как вопросы, требующие международного вмешательства. С этого же времени и отношения Османской империи с Россией попадают в сферу европейских международных отношений. Европейская дипломатия старалась взять их под свой контроль и не допускать самостоятельных двусторонних соглашений между этими странами.

Благоприятная для России ситуация, изменившая расстановку сил в Северном Причерноморье, появилась при Екатерине II в период двух ее войн с Османской империей (1768 - 1774, 1787 - 1791 гг.). Обе войны были начаты по инициативе Османской империи и по подстрекательству европейской дипломатии.

Границы между Российской и Османской империями после войны 1736-1739 гг. в большей своей части шли по открытой степи. Причерноморье и нижнее течение таких крупных рек как Днепр, Южный Буг, Днестр и Дунай принадлежали Османской империи. Геополитически положение последней было более выгодное, чем России³³. Однако после экспансионистских претензий, высказывавшихся в эпоху Анны Иоанновны, Россия почти на тридцать лет снова вернулась к активной обороне. Строились традиционные линии укреплений: Изюмская, Украинская, Днепровская, на северном Кавказе замкнулась цепь крепостей от Кизляра до Азова³⁴.

Некоторые исследователи считают, что для второй половины XVIII в. сооружение таких протяженных укрепленных линий было анахронизмом. Однако свою роль эти линии сыграли - они защищали земледельческое население приграничных районов и способствовали вовлечению Дикого поля в ареал земледельческой культуры, несмотря на традиционный страх перед крымско-татарскими набегами. Поощряя заселение пограничных районов российские власти разрешили учреждение Новой Сечи для запорожцев, уходивших ранее под власть османского султана, но вернувшихся в русское подданство в 1734 г., а позднее Новой Сербии (1751 г.) и Славяно-Сербии (1753 г.), предназначавшихся для переселенцев с Балкан и из сербских районов, отошедших к Австрии³⁵.

Вместе с тем, уже в 1762 г. канцлер М. И. Воронцов, информируя Екатерину II в

первые дни после ее восшествия на престол, сообщал: "Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать... линии с знатным числом войск и пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности". "Ключом российских и турецких владений" Воронцов считал полуостров Крым. "...Доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под российской державою, или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ее властью"³⁶.

Внешнеполитическая цель следовательно, уже была определена, но она тогда еще не была реальной политикой. Все внимание было сосредоточено на отношениях с Польшей и Швецией. Военные действия против России начала Османская империя и поводом для них послужили не какие-либо русско-турецкие пограничные проблемы, а события в Польше. Им предшествовал поход крымских татар на Новую Сербию и далее в сторону Польши, сопровождавшийся огромными опустошениями. Как писал С. М. Соловьев, "это было последнее в нашей истории татарское нашествие". В дальнейшем успехи сопутствовали русской армии, в результате чего Россия смогла диктовать свои условия мира, которые вырабатывались и не раз уточнялись на Государственном совете России и в переговорах с турецкими представителями в 1771 - 1774 гг. и крымскими ханами в 1772 году. В марте 1759 г. на заседании Государственного совета, по общему согласию, была принята резолюция о том, что крымские татары должны быть "отторгнуты от власти турецкой и оставлены... навсегда собою в независимости"³⁸.

В нашей литературе принято считать, что резолюция 1769 г. и тогдашний отказ от приобретения новых подданных и крымских территорий объяс-

стр. 40

няются затруднениями международного порядка. Действительно, в протоколах Совета подчеркивалось, что подданство Крыма России "возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть и подозрения в беспредельном намерении умножения своих областей". Однако при обсуждении проблемы Крыма среди членов Государственного совета царил единодушная убежденность в том, что "крымские и другие под властью хана находящиеся татары, по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными Ее императорского Величества,... никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут, ... и в обороне границ ее служить не будут, ибо с той стороны не будет уже никакого соседа, который бы попустился нападать на российские границы"³⁹. О сохранении татарской независимости говорили и после 1771 г., когда Крымский полуостров был занят русскими войсками. Требования о присоединении Крыма к России не звучали на протяжении всех переговоров о мире (хотя бы в форме предварительного запроса). Все это свидетельствует о том, что намерение России предоставить Крыму независимость было тогда действительно искренним. Независимость Крыма зафиксирована в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 г.: "Все татарские народы... имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана

Чингисского поколения..."⁴⁰.

Крымское ханство на протяжении десяти лет действительно считалось независимым. Однако оно оказалось неготовым к этому. Началась борьба в семье Гиреев и ханском окружении, и шла она не за независимость, а за сохранение связей с Османской империей. Единственный хан, попытавшийся строить свое государство, опираясь на Россию, Шагин-Гирей изображается в исторических трудах обычно или как предатель, или как российская марионетка. Его желание "быть вольным помощью России" и те интересные реформы, которые он начал проводить в период своего правления, не были поняты большинством крымчан. Между тем предлагавшиеся Шагин-Гиреем преобразования, касались армии, государственного управления, финансовой сферы, предпринималась попытка создать из мурз и беев служилое сословие, проводилась перепись населения, чеканилась новая монета и т.п. Это были мероприятия, необходимые для страны и входившие в тот круг реформ, которые позднее осуществлялись в Египте, Тунисе, самим османским правительством. Крымский хан явил себя тогда как первый восточный правитель, вступивший на путь реорганизации своей страны по европейским образцам. Ему, однако, как писал исследователь этих проблем Ф. Ф. Дашков, "недоставало того могущественного средства, которое заключается в подготовленности общества к восприятию вводимых в его быт начал, короче говоря - ему недоставало общественной симпатии, ... тяжесть нового правления, строгого и требовательного, вооружала население, привыкшее жить в патриархальной простоте, и делала его главным противником затеянных реформ. Дворянство видело в деятельности хана одну лишь угодливость России, и только небольшой кружок людей, связанных интересами с новым правительством, был на стороне Шагина"⁴¹.

Принципиально важно и то, что командующий русскими войсками в Крыму кн. Прозоровский был не только не сторонником реформ Шагин Гирея, но и пытался всячески отклонить хана "от этой затеи". Итак, в крымском ханстве в период его независимости была сделана первая на Востоке попытка самостоятельно реформировать свое общество. Попытка эта не удалась. Отчаяние реформатора и бунт его подданных вылились, как известно, в страшную резню, вина за которую в значительной степени лежит на Шагин-Гирее, в чем его обвиняло и российское командование. Потемкин писал о действиях хана: "... казни ... употребленные и повторенные потом многократно, не могли утешить других, а только огорчили его подданных и предуготовили последнее возмущение". Крымское общество тогда оказалось неготовым ни для реформ, ни для независимости. Как выразился С. М. Соловьев: "татары не хотели принять данной им вольности". Ко второй половине

стр. 41

1782 г. меняется и настроение российских правящих кругов. Екатерина II дает распоряжение Потемкину "помышлять о присвоении сего полуострова". 8 апреля 1783 г. был обнародован царский манифест о присоединении Крыма к России. В декабре того же года султан. Абдул-Хамид I подписал конвенцию, по которой вынужден был признать это российское приобретение⁴².

Для окончательного закрепления за Россией Крыма и Северного Причерноморья

потребовалась, однако, еще одна русско-турецкая война (1787- 1791 гг.). Начатая по инициативе турецкой стороны и спровоцированная европейским подстрекательством, прежде всего английским, война продемонстрировала явное преимущество России, хотя последней пришлось вести ее одновременно с войной со Швецией и при угрозе выступления против нее Тройственного союза (Англии, Пруссии, Голландии). Завершивший войну Ясский мир (29 декабря 1791 г.) подтвердил новые разграничения между двумя империями⁴³.

У России появилось обширное морское побережье, сухопутные же границы и на западе, и на востоке стали опираться на достаточно крупные водные преграды - Днестр и Кубань. Исходя из геополитических интересов российского государства, можно констатировать, что Россия с этого времени получила геополитическую устойчивость на юге и разрешила те имперские проблемы, которые беспокоили ее в предшествующий период и заставляли стремиться к продвижению границ до естественных географических преград. Начинается хозяйственное освоение Северного Причерноморья, расширяется ареал земледелия, создаются новые города (Новороссийск, Екатеринослав, Херсон, Николаев, Одесса, Севастополь и др.), размещаются здесь новые казачьи войска, укрепляется безопасность границ России⁴⁴.

К XIX в. наиболее дальновидные российские государственные деятели начинают осознавать, что Россия в своем размежевании с Османской империей реализовала те имперские потребности, которые были ей необходимы как великой державе. Так один из ближайших сподвижников Александра I В. П. Кочубей писал в 1802 г.: "Россия не имеет нужды в расширении и нет соседей, покойнее турок. Сохранение этих естественных неприятелей наших должно быть впредь коренным правилом нашей политики". Те же настроения звучат в высказываниях Николая I перед началом русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг.: "Я докажу Европе, что не мечтаю ни о каких завоеваниях, будучи доволен своим положением, как оно есть"⁴⁵.

Осознание государственными деятелями России того, что российские имперские границы дошли до разумных пределов, не предотвратило однако того, что в XIX в. произошло еще четыре русско-турецкие войны, а в XX в., вступая в первую мировую войну, Россия присоединилась к европейским намерениям разделить османские территории и претендовала на Черноморские проливы. Причин для этого было несколько, как объективного, так и субъективного характера.

Османская и Российская империи имели христианское и мусульманское население. С XVI в. османские султаны вели переговоры с московскими правителями о своем покровительстве единоверцам-мусульманам, проживающим в российском государстве. Москва также поддерживала связи с православной церковью на османской территории, а по Кючук-Кайнарджийскому миру (1774 г.) официально получила право покровительствовать ей и особо вступаться "в пользу" Дунайских княжеств⁴⁶.

Этнорелигиозные проблемы, следовательно, были актуальны и для обеих держав, порождая порой конфликты в их отношениях. Проблема усугублялась тем, что уже по договорам 1772, 1774, 1783 гг. в состав России вместе с Кабардой входят и земли зависимой от нее Осетии⁴⁷. Это означало непосредственное соприкосновение российских границ с Восточной Грузией. Следовательно, уже тогда Российский

империя посвягнула на иное, новое для себя, геополитическое пространство.

Далее, как известно, Ираклий II, царь Восточной Грузии, заключил с российским правительством Георгиевский трактат 1783 г., по которому Рос-

стр. 42

сия обязалась защищать это грузинское государство от внешних врагов⁴⁸. Позже территории Картли и Кахетии были включены в состав Российской империи, однако обсуждение этой акции на Государственном совете (апрель 1801 г.) встретило значительную оппозицию. Высказывались сомнения в возможностях России надежно защитить эти области от Ирана и Османской империи, хотя возражавшие и не хотели поглощения Грузии мусульманскими государствами. Эти колебания продолжались и позже. Манифест к грузинскому народу был подписан Александром I 12 сентября 1801 г., обнародован же был лишь 12 апреля 1802 года.

Следовательно, сомнения в целесообразности продвижения на юг все еще сохранялись. Тем не менее Россия продвигалась в закавказское геополитическое пространство. Политико-религиозные мотивы, толкавшие ее к такому продвижению, явно преобладали, отгесняя на задний план собственно государственные интересы. Последние же, по мнению А. Чарторыйского, одного из руководителей внешней политики при Александре I, состояли в следующем: "внутри самой себя предстоит России совершить громадные завоевания, установить порядок, бережливость и справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности... Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон". Такие же соображения высказывал не раз и Николай I. Так перед войной 1828 - 1829 гг. он заявлял: "если Бог поможет в настоящем мероприятии, то я заключу мир с Портою, и все убедятся, что я требую от нее только необходимого для русской торговли". И позже, по окончании войны, приказывая И. И. Дибичу отступить от Стамбула, а И. Ф. Паскевичу вывести свои войска из Малой Азии - "Наша умеренность зажмет рты всем нашим клеветникам, а нас самих мирит с нашей совестью"⁴⁹. Такая позиция не была какой-то благотворительностью. Николай I никогда не отказывался от стремления расширить влияние России, в том числе и в османском регионе. Но он видел возможности и потребности России и выступал как реальный политик.

Были, конечно, и другие стремления. Известны "Греческий проект" Екатерины II, переговоры Александра I с Наполеоном о разделе Османской империи и овладении русскими Константинополем. В том же 1829 г. некоторые российские государственные деятели считали присоединение к России оккупированных ее войсками Молдавии и Валахии исторической задачей России⁵⁰. Имперская алчность, желание помочь единоверцам и относительная легкость продвижения в Закавказье способствовали тому, что были присоединены территории, освоение которых впоследствии потребовало гораздо большего времени и сил, чем на их завоевание.

И в русском обществе, и в правящих кругах постепенно все сильнее и сильнее росло понимание ненужности и опасности продолжения завоеваний на юго-западе. Так еще

В. А. Жуковский в письме великому князю Константину (1845 г.) предостерегал: "В Царьграде, который по своему чудесному положению среди двух знаменитых морей, по всем окружающим его очарованиям природы, искусства и воспоминаний исторических - имеет полное право быть столицей великой империи, православные русские цари исчезли бы для России за стенами султанского сераля, вновь обращенного во дворец византийских властителей". Ф. М. Достоевский также чувствовал эту опасность. Он утверждал, что расширение России в османские пределы, то есть иначе говоря, переход в чужое для себя геополитическое пространство, толкнуло бы ее на некую "новую азиатскую дорогу" и страна бы этого "не вынесла". Она остановилась бы в своем национальном развитии. В 70-е годы XIX столетия сходные мысли высказывал Б. Н. Чичерин, одобряя приказ Александра II (кстати, воспитанника В. А. Жуковского) об отступлении от Стамбула: "Это было бы не усиление, а ослабление России. Центр тяжести переместился бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией". Наконец, в самом конце XIX в., когда и в стране нарастали империалистические планы, и формировались международные коалиции для передела мира, К. Леонтьев пред-

стр. 43

сказывал, что Стамбул - "роковой" для России город, а модная тогда идея "всеславянского" единения может стать началом разложения России и "той государственной формы, в которую вылилась жизнь русского племени"⁵¹.

Таким образом роль понимания, что дальнейшее расширение территории России в юго-западном направлении чревато значительными осложнениями, ставило вопрос о судьбе самой России. Этнорелигиозные противоречия, имеющиеся и в Российской и Османской империях, и сохранявшиеся в них имперские амбиции порою порождали взаимную враждебность. С обеих сторон заявляли о себе приверженцы военного разрешения конфликтных ситуаций. Но эти конфликты не требовали непременно военного решения. Каждая империя обречена была историей искать свою модель построения многонационального государства.

Был и еще один фактор, стимулировавший эти конфликты - интриги европейской дипломатии и все большее вовлечение Османской империи в систему международных отношений. Не случайно, даже мирные договоры 1856 и 1878 гг. между Россией и Османской империей заключались на международных конгрессах. Стремление России принять участие в разрешении "Восточного вопроса" кончались общеевропейскими войнами - такими, как Крымская, а позднее и первая мировая. Как указывал СМ. Соловьев, к Турции, как в свое время и к Польше, "не переставали обращаться люди, считавшие своей обязанностью возбуждать вражду к России"⁵². На протяжении всего XIX в., несмотря на многочисленные войны и конфликты, российские государственные деятели ощущали геополитическую нишу, в направлении которой Россия могла развиваться. Отказ от позиции здравого смысла наступает перед вступлением России в первую мировую войну. Так называемый "здоровый милитаризм"⁵³ кадетов требовал приобретения в "полное обладание" Россией проливов Босфор и Дарданеллы с "достаточной частью прилегающих берегов" и объединения под протекторатом России Армении в ее этнографических границах⁵⁴. Любопытно, что некоторые публицисты того времени, например С. А.

Котляровский, связывали с этими приобретениями возможность быстрого экономического развития юга, куда, по его мнению, "передвигается центр тяжести нашей хозяйственной жизни"⁵⁵. Следовательно, предостережения Б. Н. Чичерина, В. А. Жуковского и др. становились все более актуальными: Россия могла перестать быть Россией. Именно об этом напоминает изданный в 1915 г. под редакцией и с предисловием Р. Стрельцова сборник материалов и извлечений "Россия, Царьград и проливы", где "полное незнание и непонимание проблемы", отмечалось "не только у заурядных обывателей, но даже у лиц, играющих руководящую роль в нашей общественной жизни"⁵⁶. Российские национальные интересы в это время приходят в противоречия с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и приведшим в конце концов к национальной трагедии и крушению Российской империи. Аналогичные противоречия привели к тем же результатам и Османскую империю.

Примечания

1. См. KURAT A. N. *Turkiye ve Idil boyu (1569 Astarhan seferi. Ten-Idil kanali ve XVI-XVII yuzyil osmanh-rus munaseletleri)*. Ankara. 1966.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 24, с. 224, 225.
3. САФАРГАЛИЕВ М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960, с. 258 - 267.
4. См. ЗАГОРОВСКИЙ В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVII в. Воронеж. 1991; ЛЮБАВСКИЙ М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М. 1996; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М. 1984.
5. См. БЕЛЯЕВ Г. Ф. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М. 1846; БАГАЛЕЙ Г. Ф. Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний). Харьков. 1886; Воронежский край с древней-

стр. 44

ших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края. Воронеж. 1976; ЯКОВЛЕВ А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк по истории обороны южной окраины Московского государства. М. 1916 и др.

6. ЗАГОРОВСКИЙ В. П. Белгородская черта. Воронеж. 1964.

7. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М. 1998; Ч. 2. М. 2001; см. также ФЛОРЯ Б. Н. 50-е гг. XVII в. в истории международных отношений в центральной части Евразии и задачи публикации

материалов о деятельности русской и украинской дипломатии в эти годы. Российская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М. 2000.

8. DOROSSENKO D. Hetman Petro Dorosenko. N.Y. 1985; KUNT M. 17 yuzyilda Osmanli kuzey politikasi uzerinde bir yorum. - Bogazici Universitesi dergisi. Beseri Belimler-Humanities 4 - 5, Istanbul. 1976 - 1977, s. 111 - 116; САНИН Г. А. Отношения России с Украиной и Крымским ханством в середине XVII века. М. 1987; его же. Русско-польские отношения 1667 - 1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе. - Россия, Польша и Причерноморье. М. 1979, с. 276 - 286.

9. ABRAHAMOWICZ Z. Die turkische Herrschaft in Podolien (1672 - 1699). - I. Actes du Premier Congres international du etudes balkaniques et sudosteuropeennes. N 3, София, 1966, с. 777- 780; II. Habsburgisch-osmanische Beziehungen. Wien. 1985, S. 187 - 192.

10. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. 15. СПб. 1905.

11. KOLODZIEJEZYK D. Podole pod panowaniem tunckim. Ejalet Kamienicki; 1672 - 1699. Warszawa. 1994.

12. См. ABRAHAMOWICZ Z. Tto polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedzenskiej Kara Mustaty. - Kwartalnik Historyczny, 90/1, 1983, с 41.

13. СМЕРНОВ НА Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 2. М. 1946, с. 146 (в книге ошибочно - 461).

14. Письма и бумаги... Петра Великого. Т. I. СПб. 1887, с. 756 - 757.

15. Эвлия ЧЕЛЕБИ. Книга путешествий. Вып. 2. М. 1979, с. 33.

16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). I. Т. 2, СПб. 1830, N 864.

17. Kara Mustafa vor Wien. Wien. 1955, S. 118 - 121; а также ABRAHAMOWICZ Z. Tl polityczne i ekonomiczne wyprawy, s. 50.

18. См. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М. 2001, с. 24, 212.

19. См. КОПРЕЕВА Т. Н. "Ведомство желательным людям" (из автобиографических материалов А. Л. Ордин-Нащекина). - Археографический ежегодник за 1964 г. М. 1965, с. 333 - 349; ее же. Неизвестные записки А. Л. Ордин-Нащекина о русско-польских отношениях второй половины XVIII в. -Проблемы источниковедения. IX. М. 1961, с.191 - 220.

20. ZINKEISEN J.W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Т. 5. Gotha, 1856, с 87 - 116.

21. ПСЗ. 1. Т. 2, N 1186; ГРЕКОВ И. Б. Московско-польский договор 1686 г. о Союзе и "Вечном мире". - Советское славяноведение, 1987, N 3, с. 27 - 43.
22. ЧЕРЕПНИН Л. В. Собор 1642 г. по вопросу об Азове. - Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. М. 1979, с. 211 - 222; ФЛОРЯ Б. Н. К истории русско-османских отношений в середине 40-х гг. XVII в. - Etudes balcaniques, 1991, N 2.
23. БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М. 1940.
24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 89, оп. I, кн. 23, 24, 25.
25. См. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VIII, IX, СПб. 1864, 1868; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3, 5. М. 1948.
26. ПСЗ. Т. 5, N 2687; НИКИФОРОВ Л. А. Формирование российско-турецкой границы в первой четверти XVIII в. - В кн. Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII - начало XX вв. М. 1972, с. 62 - 88.
27. НИКИФОРОВ Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959; ЛЫСЦОВ В. П. Персидский поход Петра I. М. 1950.
28. БАЙОВ А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736 - 1739 гг. СПб. 1906, с. 199.
29. ПСЗ. Т. 10, N 7900.
30. НЕКРАСОВ Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725 - 1739. М. 1970; МИХНЕВА Р. Россия и Османская империя в международных отношениях XVIII века. М. 1985.
31. VANDAL A. Une ambassade franchise en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve 1728 - 1741. P. 1887; МИЛЛЕР А. Ф. Краткая история Турции. М. 1948, с. 30.
32. См. INALCIK H. Imtiyazat, Encyclopaedia of Islam. Т. III. Leiden. 1971, с. 1179 - 1188.
33. САНИН Г. А. Границы России и Крымского ханства во второй половине XVII - первой половине XVIII вв. - Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. 1994, с. 146- 169.

34. ЗАГОРОВСКИЙ В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980; АПАНОВИЧ О. М. Збройни сили України першої половини XVIII ст. Київ. 1969, с. 158 - 168; САТАВОВ Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М. 1991.
35. АПАНОВИЧ О. М. Ук. соч., с. 167, 168; СКАЛЬКОВСКИЙ А. История Новой Сечи или последнего коша запорожского. Т. 1. Одесса. 1846; БАЖОВА А. П. Русско-югославские отношения во второй половине XVIII в. М. 1982, с. 128 - 150; ДРУЖИНИНА Е. И. Границы России с Турцией по Ключук-Кайнарджийскому договору 10 июля 1774 и Ясскому договору 29 декабря 1791. - Формирование границ..., с. 134 - 137.
36. Цит. По ДРУЖИНИНА Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. 1955, с. 65, 66.
37. ЧЕЧУЛИН Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762- 1774. СПб. 1896; ПЕТРОВ А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. 1-5. СПб. 1866 - 1874; Memoires du baron de Toff. Т. 2. Amsterdam. 1785, с. 144 - 154; МУНТ Т. Крым-Гирей - союзник Фридриха Великого: Пролог столкновений между Россией и Турцией. - Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1909, N 43, с. 1 - 87; СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения. Кн. XIV. Т. 28. М. 1994, с. 276.
38. Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб. 1869, с. 44.
39. ДРУЖИНИНА Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир, с. 110; Архив Государственного Совета. Т. 1, с. 43.
40. ПСЗ. I. Т. 19, N 14164; ДРУЖИНИНА Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир, с. 351.
41. СМИРНОВ В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб. 1886, с. 715; ЛАШКОВ Ф. Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан. Симферополь. 1991, с. 21 - 26 (впервые эта работа опубликована в журнале "Киевская старина", N 9, 1886).
42. СМИРНОВ В. Д. Ук. соч., с. 30, 195, 228; Русский архив, 1884, кн. 2, с. 1 - 20; СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения, кн. XXIX, с. 98; ЛАШКОВ Ф. Ф. Шагин-Гирей, с. 30; ПСЗ. Т. 21, N 1591.
43. СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. Англия и Россия в годы второй турецкой войны (1787 - 1791). - Вопросы истории, 1948, N 11, с. 26 - 49; БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958; ПСЗ. Т. 23, N 17008.
44. См. ДРУЖИНИНА Е. И. Северное Причерноморье в 1775 - 1800 гг. М. 1959; ее же. Южная Украина в 1800 - 1825 гг. М. 1970.

45. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения, кн. XVI. М. 1995, с. 633, 634, 665,.
46. ТИХОМИРОВ М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М. 1969, с. 59; ДРУЖИНИНА Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, с. 332.
47. История Северо-Осетинской АССР. М. 1959, с. 135, 136.
48. Россия. Договоры. Георгиевский трактат. Договор 1783 г. о вступлении Восточной Грузии под покровительство России. Тбилиси. 1983; ПАЙЧАДЗЕ Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси. 1983; КИКОДЗЕ Г. Ираклий II. Тбилиси. 1948.
49. ФАДЕЕВ А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М. 1958, с. 106, 107; ТАТИЩЕВ С. С. Из прошлого российской дипломатии. СПб. 1890, с. 299, 300; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения, кн. XVI, с. 665; ШИЛЬДЕР Н. К. Адрианопольский мир 1829 года. Из переписки графа Дибича. СПб. 1879, с. 34.
50. ТАТИЩЕВ С. Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1887; ЗАБОЛОЦКИЙ-ДЕСЯТОВСКИЙ А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. I. СПб. 1882 и др.
51. Цит. по: Россия, Царьград и проливы. Пг. 1915, с. 51; ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Дневник писателя за 1878 г. Там же, с. 74; ЧИЧЕРИН Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. М. 1934, с. 74, 80; ЛЕОНТЬЕВ К. Восток, Россия и славянство. - Собрание сочинений. Т. I. СПб. 1881, с. 8 - 9.
52. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. XVI, с. 634.
53. Выражение В. П. Рябушинского. См. Предисловие к сборнику "Великая Россия". М. 1911, кн. 2, с. 5.
54. Что ждет Россия от войны. Пг. 1915, с. 50 - 62.
55. Проблемы Великой России. М. 1916, N 1, с. 8.
56. Россия, Царьград и проливы, с. 1.